

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Анна Джейн

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРИВОРОТ

По ту сторону отражения

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Анна Джейн
Музыкальный приворот.
По ту сторону отражения
Серия «Музыкальный приворот», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6994631
Музыкальный приворот. По ту сторону отражения / Анна Джейн: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083673-4

Аннотация

Любовные привороты сродни любовному суррогату и вряд ли смогут заменить настоящие чувства. Так Катрина считала раньше. Привороты, с помощью которых желаешь влюбить в себя не кого-нибудь, а известного рок-музыканта, приводят к одним лишь глупостям, странным ситуациям и даже к слезам. Так Катрина стала считать после эксперимента своей лучшей подруги. А теперь она вообще не думает о приворотах – сейчас Катрине очень хотелось бы разобраться в себе и понять, кого она любит: нежного и странного или скверного и знаменитого? А может быть, она любит их обоих или... одного и того же человека? И что ему (или все же им?) нужно от нее?

Анна Джейн

Музыкальный приворот. По ту сторону отражения

© Джейн А.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Что это?

Это не может быть шуткой?

Или это сон? Я сплю? Снится кошмар?

Нет, ногти с положенной для реальности болью впиваются в ладони – значит, я не в объятиях Морфея. Я нахожусь в реальной комнате, принадлежащей реальному человеку. Только вот какому человеку? И реальному ли... для меня?

Неужели?.. Он – это и есть?.. Он – это... Он...

Я хотела ответить на этот вопрос, по-настоящему хотела, но не могла поверить в ответ, который срывался с моих полуоткрытых губ, вдруг ставших холодными, как лед Антарктиды.

События, происходящие со мной в последнее время, превратившись в гигантских полупрозрачных птиц с кривыми когтями и загнутыми клювами, кружили вокруг, касаясь мощными и невесомыми одновременно крыльями моих щек, лба, рук – и от этого по коже, сливаясь с мурашками, бежали искры холода, недоумения, страха и... ненависти.

Он просто тварь. Тварь, подонок, дрянь...

Но это не может быть действительностью! Мало ли таких украшений продается? А то, что эти парни похожи – это ведь... это ведь тоже можно объяснить? Или нет?

Нет.

Животное, сволочь, ублюдок... Возмнил себя мастером игр с людьми, скот?

Что-то темное, бескрайнее и тяжелое просыпалось во мне, и я понимала, что могу управлять этой злостью, но не хочу. Я не хочу, чтобы это гадкое, черное по цвету ощущение оставалось во мне, отравляя душу так же, как гематический яд травит и загрязняет кровь. Пусть оно выйдет наружу и перестанет распирать меня изнутри своей страшной силой.

В светло-васильковом бескрайнем небе, раздвигая испуганные белоснежные облачка, появилась огромная мутно-серая туча, отливающая то сталью, то свинцом. Мое небо темнело и все вокруг темнело вместе с ним – даже контуры в полутемной комнате стали размываться, а реальность переставала мною четко осознаваться – над ней колдовали все те же захлебнувшиеся в своем злобном торжестве птицы.

Мразь, мразь...

«Если ты чувствуешь, что реальность никак не входит в твою голову как единое целое, представь, что ты находишься не в своем теле, а взираешь на все происходящее сверху, как будто ты на несколько минут покинула его. Посмотри сверху на себя и на то, что окружает тебя. Оглядишься внимательно, перемести взгляд. Ты почувствуешь себя спокойнее и, вероятно, сможешь найти решение той проблемы, что не дает тебе покоя». Так сказал мне однажды Томас. Это было давно, но, казалось, эти его слова прозвучали только что, над самым ухом. Тогда, когда я впервые услышала этот совет, мне тоже было плохо – все несчастья мира, так тогда казалось мне, шестнадцатилетней, навалилось на мои плечи, как огромный снежный ком. И тогда, как и сейчас, я ощущала себя обманутой и преданной теми, кто занимал в моем небольшом сердце важные места. Раньше я не вспоминала этих слов, но сейчас, когда я не знала, что думать и что делать, они вновь всплыли в памяти.

Ублюдок...

Я, пытаюсь унять бешеный стук растревоженного, словно пчелиный улей, сердца, прикрыла глаза. Последую совету отца, все равно я сейчас не знаю, что делать.

А смотреть сверху было действительно легче, чем пытаться оценить проблему своими глазами. Посредине размытой серой комнаты виднелись очертания женской фигуры, нерешительно застывшей, словно статуя средней руки мастера, мечтающего стать именитым скульптором. Широко раскрытые темные глаза, забывающие моргать и всматривающиеся в жутко интересную точку на двери, приоткрытые губы, не хватающие воздух и не дрожащие – окаменевшие, бессильные пальцы слабых рук, так и не сумевшие взять голубой кулон с пола, странная гримаса удивления, смешанного с непониманием и обидой на бледном лице.

Ну и что же случилось с этой девушкой, вокруг которой тускло сияют меланхолично-голубая Грусть и светло-серое Разочарование, взявшиеся за руки, как лучшие друзья? Что же произошло с той, под ногами которой валяется, беспомощно раскинув тонкие девичьи руки, мертвая Надежда, постепенно превращающаяся в бесформенную пустоту, словно подтверждая слова Леонардо да Винчи: «Там, где умирает надежда, там возникает пустота»? Что приключилось с той, над чьей головой вьется в пепельно-стальной дымке безграничное

Удивление, уже готовое вот-вот уступить место пурпурной Ярости, злорадно потирающей руки в сторонке – ей очень хочется управлять разумом девушки, и она ждет подходящего случая, чтобы занять ее обездвиженное накалом эмоций тело.

Комната то медленно, то быстро вертелась вокруг темноволосой, касаясь своими контурами ее тела, и в ней, в этой нелепой статуе, я с большим трудом узнала себя.

Моя голова тоже кружилась, вслед за бесконечным движением комнаты, в котором теперь как украшения-портреты мелькали лица столь похожие и одновременно столь разные. Два таких разных блондина, которым принадлежит один кулон с топазом, смотрели на меня со всех сторон. Один – мягко. Второй – надменно.

Какая же глупая Катя.

Я закрыла лицо руками, и все остановилось. Встало на свои места и неприветливо замерло.

Антон и Кей – одно и то же лицо? Нежный, заботливый Антон, косвенный виновник того, что я вновь знакома с ласковыми крылышками бабочек, и проклятый эгоист, которого давно уже ждет собственный котел в аду за высокомерие и дерзость?

Значит, ты – один человек? Ты решил поиграть со мной в понятную только тебе одному игру?

Я яростно сжала кулаки – это стало моим первым движением – чувствуя, как ногти все сильнее и сильнее впиваются в ладони.

Его нужно убить. Зарезать, утопить, повесить, линчевать!

Мерзавец. Его определенно будут с особым нетерпением ждать в аду. Или уже ожидают. Даже не знаю, в каком только круге: в девятом или десятом? В девятом обитают обманувшие недоверившихся, в том числе и лицемеры – такие как он, Кей-Антон. А в десятом мучаются обманувшие доверившихся, те же предатели – и это самый близкий круг к Люциферу. Но предал ли меня Антон... Кей?

Да, предал! Поразвлекался.

Если это правда, то они все над тобой смеялись – Антон-Кей, Келла, Арин, проклятая Алина и все их дружки. Все они знали, и только ты одна... Ты была не в курсе.

Да, только я одна не знала ничего. Наивно предполагала, что нравлюсь одному... или даже двоим парням. Святая простота Катрина. А нет ли среди святых и мучеников святой Катрины?

Не знаю.

Я резко открыла глаза, чувствуя, как злость переполняет меня – огромная туча наливалась чернотой, заполняя все пространство неба, опровергая утверждение, что небеса – штука бескрайняя. Перед глазами замелькали обрывки полупрозрачного тумана. Что это со мной?

«Я его убью, я его убью, я его убью» – вот что пульсировало у меня в голове. Потом вместо этой незамысловатой фразы появилась другая: «За что? Что я ему сделала? Почему я?»

Меня разом лишили мечты найти того единственного, о котором мечтает каждая из девушек в юном и не очень юном возрасте. Взяли и неожиданно отняли возможности быть немного счастливой. Грубо, жестоко, с противной саркастической улыбочкой на смазливом лице, на которое клевалось множество рыбок-девушек, мечтающих о нем, таком прекрасном принце. И я мечтала. И кто меня осудит за то, что я хотела любви?

Скажи еще – пусть первым бросит в меня камень тот, кто никогда не хотел тепла, ласки и нежности. Иди, найди Кея, устрой ему... Убей его! Ведь мне так больно.

Я знаю.

Когда-то давно, много лет назад я услышала красивую и грустную китайскую легенду о Красной Нити Судьбы, которая гласит, что у каждого есть своя вторая половинка. С нею мы связаны невидимой красной нитью. Нить эта находится на щиколотке, хотя японцы говорят,

что на мизинце. Если однажды эти половинки встретятся – они никогда не смогут больше расстаться, и преграды перед ними падут. Те, кого соединила Красная Нить – уже не смогут друг без друга, потому что вместе они единое целое. Я поверила в эту легенду и со всей нежностью, на которую была только способна, ждала того, кто соединен этой Нитью только со мной.

Глупая Катя, бессмысленная нитка, идиотская легенда.

– Почему я? Скажи мне? Я обидела тебя? – прошептала я.

Антон, ну как ты мог? Я верила тебе, ты был такой... такой мягкий и милый, понимающий и надежный. Получается, тебя и нет вовсе?

Кей, я не знаю твоего настоящего имени, но хочу сказать тебе, что ты просто свинья. Думаешь, я – забитое существо, потерявшееся в тени своей великолепной подруги? Или глупая и наивная дура, которую можно дергать за веревочки?

Вот так вместо красивой красной нити судьбы на мизинце я нашла марионеточные нити, опутавшие меня тонкими змейками. Что же, такова жизнь.

Головокружение оставило меня, оцепенение прошло так же неожиданно, как и набросилось. И я сделала первый шаг. Нет, не к двери – к его кровати. Руки стали тяжелыми – так сильно захотелось мне этими руками порвать, ударить, разрушить хоть что-то.

Дальнейшее происходило в тумане, и я плохо понимала, что творю, а останавливаться мне совсем не хотелось.

Я перевернула стул. Разодрала надвое журнал. Сломала ручки и карандаш. Схватила блокнот и, удивляясь, что мои руки все же такие сильные, принялась рвать его на мелкие кусочки с небывалой легкостью – даже его твердую обложку. Полминуты – и пол был усеян бумагой, которая совсем недавно хранила в себе поэтические изыскания и глубокие лирические переживания подлеца Кея.

Потом пострадала кровать. Я со всей силы колотила упругие подушки, даже кусала их, бросала их на пол, молниеносно выдернула покрывало, простынь – и все это полетело вслед за подушками на пол, и я топтала, топтала их, пытаясь порвать нежную ткань. Но это вандализм у меня получалось плохо, слишком уж прочным был этот мягкий с виду материал. Поэтому я бросила это дело. Зато мой дикий взгляд переместился на небольшую декоративную вазу, и она тут же полетела на пол, но не разбилась, что дико разозлило меня. Кинув ее еще раз для порядка, я принялась ломать жесткие стебли странных искусственных цветов, которые поддавались мне на удивление легко – с печальным хрустом они ломались надвое и летели на пол. Я поняла, что они оказались настоящими, но мне было плевать. Я сильно сжала тонкие лепестки последнего цветка, превращая их в смятую цветную бумагу.

– Ненавижу цветы, – вырвался из моего горла тихий злой рык. Ненависть, прочно поселившаяся во мне, не давала адекватно воспринимать действительность.

Я легким движением смахнула висевшую на стене картину в металлической раме, оцарапав при этом ладонь, но совершенно не чувствуя боли.

Увидела пульт. Он возлежал на круглой тумбочке-столике. Я дрожащими руками взяла его и кинула об стенку. В этот момент я уже сама не понимала, что же я такое творю в чужой квартире. Пульт ударился о стену, тихонько запищал, и тут же в противоположной стене сами собой открылись плавающие двери, ведущие в гардеробную.

– А у меня нет такой кучи вещей, **Нзапрещено цензуройN**, – прошипела я, чувствуя сосущую пустоту в сердце, и мои руки сами по себе стали выбрасывать аккуратно висевшие вещи Антона-Кея, пытались рвать их, сметали с полок все, на что натыкался мой взгляд. Я скидывала на пол все, даже не разглядывая и не обращая внимания на детали.

Одновременно с дверьми отползли вверх жалюзи, добродушно покачиваясь и обнажая окно, за которым было уже темно. Я схватила тяжелый рюкзак парня и кинула его в окно со всей силы, надеясь, что оно разобьется, но окно выдержало. И только глухой звук, пере-

А потом всего лишь за одну секунду я пришла в себя. И на меня навалилась такая усталость, что, сделав пару неуверенных шагов, я медленно опустилась на колени посередине комнаты.

Оглядывая весь этот разгром, я почти не помнила, сколько времени бесилась. И как я это делала. И почему я это делала – тоже. А что теперь будет, мне было совершенно безразлично. Я негнуцими пальцами взяла с пола маленький полупрозрачный матовый шарик, еще недавно украшавший один из плафонов, но он выпал из рук.

Почему я? Ну что я им... ему сделала?

Все равно... просто хочется спать. Нужно всего лишь прикрыть глаза и все.

Если бы какой-нибудь писатель-постмодернист захотел описать мое состояние, используя прием «поток мыслей», то, вероятно, он ограничился бы следующими словами: «Злость, злость, злость, ярость, и снова злость, обида, вспышка ненависти, еще злость, и еще, и еще... Ненависть. И все из-за чего? Из-за любви? Злость, ярость, ярость, обида, оскорбление, жестокость... Вспышка новой ярости... Усталость. И никакого удовлетворения».

Его коллега, придерживающийся более традиционных взглядов на литературу, реалист, к примеру, задумчиво вывел бы следующие строки: «Она не знала, что делала, не понимала, к чему приведут все эти ее действия, не контролировала себя, да и не хотела делать этого. Почему же причиной ее внезапной агрессии стали вещи? Может быть, подсознательно она боялась, что он войдет в комнату, и тогда она сможет причинить вред любимому существу?»

Психолог бы внимательно оглядел бы меня и сказал просто: «Состояние физиологического аффекта».

Я не помнила, как долго резвилась таким образом. Просто знала, что сижу на полу, на коленях, обхватив голову руками, а правой ногой было как-то дискомфортно и немного мокро, как будто колено я опустила во что-то теплое и вязкое. И повсюду витал запах одеколona с каким-то металлическим знакомым привкусом.

Голова кружилась, сил не было, и не хотелось шевелиться. На меня накатила слабость как после пробега марафонской дистанции. Теперь я понимала Филиппида, того самого, кто пробежал эту дистанцию давным-давно в Древней Греции. Только он преодолел тяжелые километры, чтобы сообщить Афинам о долгожданной победе, а мой марафон закончился бесславно. Я так и не нашла своей второй половинки, в поисках которой все бежала и бежала, даже не осознавая этого.

Слабость накатила новой прохладной волной.

Может быть, я его любила.

Дверь открылась внезапно, так, будто ее ударили ногой, а не открыли рукой, как полагается воспитанным людям, и на пороге появился Антон. Он так и застыл в проеме, сжав одну из рук в кулак и прижав к груди, с немим ужасом взирая на меня и на кошмарный беспорядок, совсем не подходящий его комнате. Вместе с ним в комнату ворвался и свет, яркий и ослепляющий. Парень коснулся выключателя, нерешительно шагнул вперед, раздумав быть второй статуей в этой комнате, но потом вновь остановился. Он ничего не говорил, но его взгляд был подобен всем тем взглядам, которыми жалостливые личности награждают слабых раненых животных, истекающих кровью, но не смеющих от страха перед людьми не подать ни звука.

Молчание хрусталем, таким новым матовым плафоном, повисло над нами. Общая нерешительность окутала нас сияющей светло-серой сетью. Мне было больно, но на миг я подумала, что и Антон... нет, Кей, тоже чувствует боль.

Я думала, что молчание будет долгим, ведь вид у парня был таким потрясенным, словно здесь сидела не одна я, а пировали два десятка привидений, часть из которых играла в развеселом сводном оркестре «Кладбищенские истории», где я была дирижером.

Я тихо, приглушенно рассмеялась, чувствуя себя актрисой.

– Катя! Катя, ты что? – закричал Антон наконец.

«Катя, ты что!» – передразнивая, пропищал ехидно в моей голове внутренний голос, не желая отпускать руку довольной Ярости.

– Что случилось? Что?!

Вот же орет! Не думала, что у Антона такой громкий голос. Да, он достаточно громкий у Мистера Совершенство по имени Кей.

Кричит... Наверное, ему очень не понравился беспорядок в комнате. Еще бы, я бы тоже не была от такого варварства в восторге.

– Катя! – его чересчур громкий голос эхом отозвался в моей голове. Я поморщилась. – Катя! Катя, ты меня слышишь?

Нет, я оглохла, ослепла и отупела. Козел, какой же ты козел. Придурок. Ненормальный ублюдок. У тебя ведь проблемы с психикой, не так ли? Или ты принадлежишь к некой новой разновидности извращенцев?

Я подняла на блондина все еще злой и уже беспомощный взгляд, но промолчала. У меня почти не было сил, чтобы встать, так зачем же я буду говорить? Этот мерзавец недостойн, чтобы с ним разговаривали. Едва только я подумала это, как мой рот сам собой открылся, и я едва ли не прорычала:

– Кей... Кей. Ненавижу.

– Что ты сказала? – тихо-тихо, так, что я с трудом расслышала, спросил он.

– Ненавижу, – с придыханием сообщила я.

– Что? – парень все еще разглядывал меня. – Что ты говоришь? Катя, ты в порядке?

И он медленно стал подходить ко мне, осторожно, боясь спугнуть.

– Ты – Кей. И ты – **Нзапрещено цензуройN**, – выдавила я из себя, внимательно следя за его движениями.

– Солнышко, что с тобой? – его глаза расширились. Какой виртуозный актер!

И солнышко твое погасло, чтобы возродиться не ясным и золотистым кругом, а серебряным и мрачным – луной.

– Не смей меня так называть, – прошипела я.

– Катя... – Он вновь замер. – Что ты несешь?

– Что несешь? Ты ведь все сам знаешь. А я до последнего надеялась, когда увидела кулон, что вас двое. Двое! – и к своему ужасу, я засмеялась, как последняя истеричка. А я ведь всегда презрительно относилась к ним, а теперь сама нахожусь в истерике и не знаю, что делать.

– Катя, ты о чем? – как-то жалобно и безнадежно спросил этот предатель, понимая, видимо, что его вопрос звучит не просто глупо, а наигранно глупо.

– Ты – это он! – выкрикнула я, сквозь беспричинный смех, некрасивый и совсем не подходящий для девушки. Ну и пусть мой смех не похож на милое щебетание Алины! Я такая, какая есть, и ты этого не исправишь, подлый... подлая тварь. Жаль, что злость пропадает, я бы устроила много чего дельного в этой комнатке богатенького мальчика, решившего развлечься за чужой счет.

– Кто – он? Кто? – все-таки подошел ко мне совсем близко Антон, настороженно глядя то на меня, то на разбитые плафоны. – Что с тобой? Что случилось? Катенька?

– Я не Катенька, – пьяным голосом ответила я.

– Что с тобой? Зачем ты это сделала? – сжал виски ладонями Кей-Антон. В голосе его была если не паника, то растерянность – точно.

– Ты еще... еще будешь спра-спрашивать, что слу-случи... чилось? – Я поняла, что не могу контролировать ни смех, ни внезапно появившиеся в уголках глаз слезы. – Зачем же ты так? За-зачем ты так со мной? Ведь я... Я... тебя... ты...

И я разрыдалась, закрывая вмиг ослабевшими руками лицо, чтобы он не видел моего искривленного рта и сморщенного лба, и изогнутых страдальческой дугой бровей. Дуга... радуга... Сразу же в мою голову хлынули воспоминания. А он рассказывал мне про радугу... говорил, что нравлюсь, держал за руку, обнимал и целовал. А самое главное – ведь я верила ему.

Иллюзия – вот значит кто ты, Антоша. Ты был моей большой и красивой иллюзией, хрупкой, ненадежной, обаятельной, разбившейся. Ненавижу тебя, Кей...

– Катя, перестань, не надо... – зашептал он, опускаясь рядом со мной.

– Я тебя ненавижу.

– Перестань, – тихо-тихо прошептал он, склонив голову.

– Не-ненавижу тебя, Кей.

– Я не...

– Ты подонок, – устало выдохнула я, понимая, что хочу закрыть глаза и никогда уже их не открывать.

– Но я...

– Заткнись, молчи.

– Я не понимаю, почему ты так решила! – он взял меня за руку, но я вырвала ее и спрятала за спину. Сидеть на коленях стало совсем неудобно – колено покалывало.

– Твой кулон... Ты на-настоящая тварь.

– Какой кулон? – стал озираться парень. – Пожалуйста, успокойся!

– Синий, в нем ты щеголял... Что, смешно тебе было, да? Издеваться над Катей – весьма забавное занятие? – и перестав всхлипывать, я вновь громко расхохоталась.

Истеричка. А он ведь сейчас перед тобой – всади ему куда-нибудь в сонную артерию кусок стекла, что лежит рядом с тобой. Или в глаз.

Не могу... не хочу ничего.

– Я не Кей, Катя, пойми, – пытался что-то сказать Антон, но я не слушала его, только слабо отбивалась от его рук.

– Да послушай же меня! – одним неувловимым движением крепко взял меня за запястья хозяин квартиры. – Катя!

Да перестань же ты повторять мое имя, я и так знаю, как меня зовут.

– Я не Катя, я Валентин Петрович, – стала нести какую-то чушь я. – Твой сосед с пятой квартиры... Точно!

И засмеялась, громко и с душой, вытирая одновременно слезные дорожки, свободно бежавшие по щекам, за что тут же получила хлесткую пощечину, а потом еще одну – по другой щеке. Охота безумно ржать сразу же пропала. Только вот слез стало намного больше. Надо же, второй раз при нашем Крутом Звездном Мальчике рыдаю, что он обо мне подумает?

Ты дура? Ты сама о чем думаешь-то?

– Извини, извини меня за это. Это нужно было, чтобы ты успокоилась, прости, девочка моя, – зашептал блондин, пальцы у него едва заметно дрожали, и он с ненавистью смотрел на свою ладонь. А я хотела одновременно ударить его по лживым губам и обнять. Почему – не знаю.

Как же я раньше не замечала, что это один и тот же человек?

Антон опустил ладонь на пол и почему-то дернулся. Что с ним? Трясучка началась? Током ударило? Бог решил покарать этого морального уроды прямо при мне?

Недоуменно поднеся руку к лицу, он заметил немного алой крови посредине ладони. Фу, кровь... Ненавижу кровь.

– Стекло? Тут везде стекло. Ты не поранилась? – с искренней заботой спросил парень и тут же поднял меня вверх, с легкостью, как будто я весила килограммов пять, не больше.

– Отпусти меня – не нашла я ничего лучше, чем вновь слабо ударить его по теплому предплечью.

– Я тебя не... Черт, Катя!! – воскликнул он. – Тебе больно?

– Еще бы. Мое сердце сейчас лопнет. Бойся – забрызгает кровью, – как можно больше яда вложила я в эту фразу. Подействовало – человек, которого я сейчас ненавидела, на миг опустил глаза.

– Тише, не кричи, тебе очень больно?

– Почему больно? Ты пытаешься... – не поняла я, думая, что парень хочет поменять тему, но проследила за его взглядом и увидела, что на том месте, где только что были мои ноги, виднеется небольшая багряная лужица без бликов. Я умудрилась пораниться проклятым стеклом и даже не заметила этого. Третий раз за последнее время я увидела кровь, только в этот раз уже свою. Меня тут же затошнило, и волнами стала накатывать слабость. Да что же это такое? Почему именно у меня подсознательное отвращение к крови? Господи, как же я сегодня устала...

Я едва не потеряла сознание, и хорошо, что этот идиот-притворщик держал меня, иначе моей спине повезло бы грохнуться на, скажем, осколки.

На какое-то время я почти перестала воспринимать действительность. Такое чувство, что я калека: и физическая, и эмоциональная. То, что Кей взял меня на руки и принес в другую комнату, осторожно уложив на что-то приятное и мягкое и едва касаясь моего лица, убрал пряди разметавшихся волос со лба и щек, я вспомнила много позже.

Если раньше все вокруг кружилось, то теперь оставалось спокойным, только потемнело, погасло и поблекло. Ярость, недовольно уступив место светло-сиреневой Слабости, оставила меня. Кажется, ей было интересно, совсем ли переразложилась в пустоту моя Надежда.

Полностью пришла я в себя уже в огромной гостиной, освещенной вполне обычным светом. Я полулежала на диване. Колену что-то мешало. Оказалось – плотная белая повязка.

– Тебе лучше? Тебе надо к врачу? Как ты? Милая, что с тобой? – тут же засыпал меня вопросами Кей-Антон, сидевший на полу около меня, не смеявший взять за руку (его ладонь нервно подрагивала рядом с моим запястьем) и с тревогой глядевший мне в глаза.

Я медленно перевела взгляд на белокурого парня и сглотнула. Он был без своих больших очков, а волосы его были убраны назад и казались совершенно другими. Даже лицо вдруг изменилось. К тому же оно было чуть влажным – как будто бы парень только что умывал его.

Точно, он.

– Кей, ты последняя сволочь на земле, – прошипела я, чувствуя себя уже вполне хорошо – только голова сильно болела и чуть-чуть колено. – За какие грехи я тебя встретила?

Двойник самого себя молча заглянул мне в глаза. А он все равно красивый, даже когда печальный. Я буду ненавидеть красивых светловолосых людей.

– Я не Кей, – каким-то отчаянным жестом закрыл лицо парень.

– А кто? Его двойник-фанат? – издевательски спросила я.

– Да нет же, нет.

– Так да или нет? Отвечай.

– Я – Антон, – твердо сказал он. – Антон, Антон, понимаешь, Антон.

– Не ври. – Пристав, я покачала головой. – И это ты мне повязку наложил? – осторожно касаясь ее, спросила я.

Это как же мне плохо от вида своей крови стало. Меня передернуло. И как стыдно... за то, что я сделала в его комнате, за то, что позволила эмоциям прорваться наружу, а, самое главное, за то, что позволила дурачить себя... Выставила себя посмешищем!

– Я, – коротко кивнул он. – Сильно болит?

– Ты меня лапал! – попробовала закричать я, но этого не получилось – голос до сих пор был тихим и глухим. К тому же едва он напомнил мне про боль, колено начало саднить сильнее.

Молодой человек пожал плечами, продолжая настороженно глядеть на меня:

– Ты ведь все равно в юбке.

– Еще бы ты с меня штаны посмел бы стянуть, – делано фыркнула я и попыталась подняться, но Антон (или мне все же называть его Кеем?) не дал мне этого сделать.

– Прекрати. Как ты умудрилась порезаться? И... зачем устроила все это? Что на тебя нашло? Хотя, я подозреваю...

– Ничего. Я уйду. – Мне совсем не хотелось вспоминать произошедшее. – Не хочу тебя видеть. Никогда.

– Нет, ты сейчас никуда не уйдешь. Объяснись, – потребовал он.

– Что-о-о? Это я должна объясняться? Ты, чмо болотное! Это ты объяснись, – стала вновь заводиться я. – Узнаю Ваше Высочество, господин Кей.

– Я – Антон, – сухим безэмоциональным голосом сказал мне парень.

– Замолчи, просто замолчи.

– Хорошо, – он закрыл глаза и чуть дрожащим голосом проговорил: – Катя, он мой брат.

– Кто? – не поняла я, не забыв прошипеть это слово со всей своей искренностью.

– Кей – мой брат, – отвел серые глаза Антон.

– Брежнев тоже мой кузен. А Мадонна – троюродная тетя. Ты что, брат самого себя? – зло засмеялась я. – Я уйду и не желаю тебя никогда видеть. Прав же был твой Арин. Марионеточник хренов, и не смей на меня смотреть такими глазами! – выкрикнула я. – Я тебя ненавижу.

– Успокойся.

– Ого, в твоем голосе раздражение или мне это слышится? Какой же ты гадкий! Я не буду распинаться о том, что я чувствовала и чувствую, и я не попрошу у тебя прощения за то, что сделала. Надеюсь, ты...

– Катя, – немного жестко прервал он меня. – Выслушай меня, наконец.

Он молча встал и под моим пристальным взглядом ушел в другую комнату быстрым шагом, откуда вернулся почти в тот же миг с небольшим черно-белым прямоугольником в руках.

– Вот, – протянул он мне рамку с фотографией.

– Это что? – не спешила я принимать ее в свои руки. Однако всего пара слов, брошенных парнем, и я схватила фото.

– Я и мой брат Кей, – произнес он подозрительно ровным голосом. – Посмотри, пожалуйста, и ты мне поверишь. Нас двое.

– Это... кто? – ошеломленно выдохнула я, чувствуя, как бежит мой взгляд с одного лица на другой. Кажется, я знала ответ.

– Я и Кирилл, – спокойно ответил Кей, не глядя на меня.

– Не может быть!! – зачарованно поглядела я на хозяина квартиры, а затем вновь уставилась на фото. Сзади, выглядывая из-за моего плеча, на фотографию уставилось мерцающее розово-оранжевым цветом Любопытство.

– Мы близнецы. Может.

К своему безмерному удивлению, я стала разглядывать двух молодых людей: Кея и... Кея? Абсолютно одинаковые лица, идентичные фигуры, даже прически почти одни и те же – только челки на разные стороны у обоих, да и одежда тоже разная, по цвету и по стилю: на первом черная водолазка, на которой ярким голубым пятном выделяется кулон, и черные же джинсы, заправленные в тяжелые военные ботинки; на втором – нежно-зеленый пуловер и белоснежная рубашка – ее острый воротник выглядывает из-под него, белые джинсы и ост-

роносые белые ботинки. Здесь братьям лет семнадцать-восемнадцать, и оба такие милые... Один, в темном, сидит на стуле, закинув ногу на ногу – вероятно, это Кей. Второй, в светлой одежде, стоит за этим стулом, опершись спиной о серую стену. Кажется, это Антон.

– Какой ужас, – прошептала я, понимая, что совершила ошибку с большой буквы. К тому же волосы у Кея светло-пепельные, даже с бело-серебряным отливом, а у хозяина квартиры они остаются светло-русыми, более темными и менее яркими. Или Кей носит парик?

– Почему? – забрал у меня из рук рамку Антон – теперь мне можно называть его именно так? – Сейчас мы не общаемся. Это наше последнее фото. А вот мы в детстве. – И он протянул мне целый альбом, большой, темно-синий, с семейными фотографиями.

– Из-за мамы? – вырвалось у меня само собой, и я потеряла ноющее колено.

– Не напоминай мне о ней, – отвернулся Антон.

– А где она? Ушла?

– Ушла.

– Она... слышала?

– Нет, у меня комната звуконепроницаемая. Так ты веришь мне теперь? – проникновенно поинтересовался он. Я листала альбом. Двое мелких одинаковых мальчишек смотрели на меня то с грустью, то с задором.

– Не знаю... да... – мне трудно было в это поверить, но факты говорили об обратном! – А кулон? У Кея такой же! Я видела!

– У нас они одинаковые. С детства. Это амулеты, – услышала я отрывистый ответ.

Вот черт, ты попала, детка.

Я выбросила амулет Антона?? По-моему, в этом пока признаваться не стоит. Катя, ты сумасшедшая. Он тебя убьет, честное слово, он тебя саму из окна выбросит.

Так, может, они не близнецы? Может, он обманывает?

Нет, не обманывает. Его мать тоже говорила, что у него есть брат...

– Вы действительно братья? Этого не может быть! Это невозможно! Это невероятно! – закричала я, не осознавая этого.

– Это нормально, хотя я и не хотел, чтобы у меня был такой брат, – сказал парень с горькой улыбкой.

– Он мерзкий, – тут же согласилась я. – А вы... вообще не общаетесь? – прорезалось во мне любопытство.

– Нет. Почему? Ты же с ним встречалась пару раз. Как тебе его характер? – спросил с вымученной улыбкой Антон, которого еще пару минут назад я считала Кеем.

– Ужасный! – воскликнула я, вспомнив самодовольного гнусного блондина.

– Вот видишь. Даже такая милая и спокойная девочка не смогла вынести его, – поморщился парень.

Знал бы ты, что твоя милая умудрилась выбросить, ты бы так ее не называл. Боже, что я натворила? После всего этого погрома и истерики Антон никогда не захочет видеть меня вновь. И это будет его право.

Мы пару минут молчали.

– А, Антон... У тебя есть девушка? – требовательно спросила я, вспомнив слова его родительницы. Кстати, понятно, от кого у его брата такой характер. В мамочку.

– Нет, – удивился он такому вопросу. – А если ты слышала крики матери, то знай – я не буду с кем-то встречаться по ее прихоти. Этим займется... Кей. Может быть.

Кажется, ему все же было не по себе, что я слышала слова его мамы. Антон очень нервный, хотя и скрывает это. Но я же вижу...

– Почему?

– Я думаю, ты все слышала и поняла, – туманно объяснил он, усаживаясь рядом, вытянув вперед ноги и опершись руками о диван. Подумав, парень скрестил ноги.

– Ты будешь встречаться только с тем, с кем тебе самому захочется? – напрямую спросила я. Блондин лишь кивнул.

– Я тоже, – помолчав, выдавила я. – Я тоже, поэтому... я тебя поддерживаю.

– Спасибо. И прости меня, хорошо?

– А? За что? А, ну да...

– Я не говорил. Про Кей. – Он замолчал, собрался с мыслями и продолжил: – Катя, ты знаешь, что такое иметь знаменитого и прекрасного брата? Братика, которого с детства родная мать любит больше, чем тебя? Тебе повезло: вас трое, и все вы одинаково любимы.

– Томасом, – широко улыбнулась я. – Иногда мне кажется, только им. Ну, еще и Алексеем, бабушкой и дедушкой.

– Я никогда не спрашивал. Твоя...

Я перебила парня, замахав руками – поняла, о ком хочет спросить:

– С ней все в порядке, но иногда мне грустно вспоминать. Давай, сейчас мы не будем говорить на эту тему. Иначе я опять буду реветь.

– Да, конечно. Катя, тебе сильно плохо? Ты так сильно боишься крови?

– Это фобия. Я привыкла. Знаешь, как со мной врачи всегда мучаются? – пожаловалась я. – Например, в школе меня медсестра терпеть не могла. Я постоянно падала в обморок во время прививок.

– Сейчас хорошо себя чувствуешь? Хочешь что-нибудь? – с искренней заботой спросил он, дотронулся до моих волос и провел по ним рукой. Приятно...

– Нет, я ничего не хочу. Я хочу задать много вопросов. Много. Можно?

– Да, – согласился Антоша, – задавай.

– Откуда ты знаешь, что я виделась с Кеем? – тут же прямо спросила я.

– Кирилл сам мне об этом сказал.

– Сам? Он дурак?

– Есть в нем такое, ты права, Катя.

Парень повел плечом, словно бы не хотел говорить об этом.

– Ну, почему, почему он это сделал? – не отставала я.

– Потому что ты мне понравилась, – наконец, ответил Антон мне. А приятно, что я ему нравлюсь! И этому человеку я только что устроила такое... Настоящую бурю в стакане.

– И что?

– Он узнал, что ты мне не безразлична, решил показать свое превосходство. Он так всегда делает. Доказывает, что лучше.

– Вы что, – широко открыла я глаза, – конкурируете между собой?

– Вроде того, – подтвердил Антон. Его улыбка стала злой, как будто бы его раздражал Кей, а может, и он сам себя раздражал. – Кирилл – мамин любимчик, красавец, известный музыкант и все такое.

– Вот как его зовут, – задумчиво протянула я, – Кирилл, значит.

– Из-за того, что ты мне понравилась, Кей тобой заинтересовался. Мне редко нравятся девушки... так сильно. – Парень отвернулся от меня. Я еще больше смутилась от откровенности.

– Я и не знала... что сильно тебе нравлюсь. Ты тоже мне... сильно нравишься, – проговорила я тихо и тут же спросила, сжав руки в замок: – А как же он узнал, что я тебе, ну, нравлюсь?

– Мы не общаемся, но изредка пересекаемся. Он видел нас вместе, – сухо отвечал хозяин квартиры.

– Вот оно как. Я же говорила, что он, Кей, – натуральная сволочь, Антон, а он... он... мне... – чуть не призналась я парню, что его брат мне нравился и... нравится?? До сих пор?

– Что? – не понял парень.

– Он рогатый мозгоед, – все же не стала озвучивать я свои мысли. Я стиснула ладони в замок, чтобы унять дрожь. Думаю, самому Кеечке я не нравлюсь. – Давай вместе проклянем его? И не принимай его действия близко к сердцу.

– Да.

– А еще, – я отвела глаза, – прости меня за то, что я сделала. Мне безумно стыдно.

– Я заслужил. Из-за меня, – он сглотнул, – брат тебя доставал. И, наверное, будет это делать и дальше.

– Ничего, я переживу, – пообещала я, хотя и не была в этом уверена. – А то, что со мной случилось – это штука что-то вроде аффекта. У меня так пару раз в жизни было. Не понимаю, что делаю, не контролирую себя, злая, как взбесившаяся ведьма... Кое-что даже не помню. Вот же я кретинка, да?

– Нет. Все хорошо, – элегантно поцеловал Антон мое запястье.

Я немного повеселела. Он это заметил и тут же улыбнулся.

– Антош, если ты один в один похож на брата, почему так... одеваешься-то? Почему выбрал такой... м-м-м... стиль? – мучил меня вопрос. – Ты такой красивый, как...

– Как он? – Догадался мой обаятельный собеседник, простивший мою выходку.

– Да. Ты очень красивый. Ты прячешь себя.

– Ты права. Прячу. Чтобы не быть похожим на него, – сквозь зубы выдохнул Тропинин. – Он... он бывает очень плохим человеком. Он играет с людьми, притворяется. Знаешь, сколько масок у него в запасе? Раз – и он с легкостью надевает одну. Два – вторую. Три – и новая маска наготове. Его голову посещают странные мысли, он совершает странные поступки – нормальные люди не будут этого делать, поверь. Говорят, он эксцентричен, потому что все творческие личности эксцентрики, так или иначе. Нет, он не как Сальвадор Дали – не ходит в акваланге и блестящем костюме из синей кожи, но самомнение у него почти такое же.

Я молчала, не желая прерывать странный монолог парня, наполненный горячностью, скрываемой под личиной небрежности и некоторой злости.

– Черт возьми, этот парень ведет себя как мальчишка, возмнив себя мужчиной. Я не могу понять: он максималист или взбесившийся богатый идиот, которому нечем занять голову? Он псих, он настоящий псих. Жизнь – игра, музыка – жизнь. Люди – игрушки, гитары – живые. Его смысл – это музыка. Она для него не развлечение, нет, а часть его самого. Странная позиция, верно? – повернулся ко мне Антон. Глаза его блестели от невыраженных чувств, заполняющих его душу. Наверное, он все же в глубине души любит непутового брата-эгоиста и хорошо понимает его – близнецы, как-никак.

– И... он никогда не мог нормально общаться со своим братом – со мной. Знаешь почему? Он думал с самого детства, нет, скорее, с подросткового возраста – тут я не прав, что лучше и правильнее делать то, что велит ему мама. А я никогда не хотел следовать ее настойчивым советам. Девочка моя, ты знаешь, как это страшно – потерять себя?

Я помотала головой. Ну и взрослым же Антон сейчас выглядит!

– Я считаю – он потерял. И мать потеряла. Для нее счастье – не мир в семье – это второстепенно, а финансовое благосостояние. Но оно должно быть не просто стабильным, оно должно все расти и расти, и плевать, что у нее и так уже много денег, очень много, даже ее внукам хватит этих денег. Ее цель – обойти всех, стать еще богаче, еще лучше, и ради этой цели она работает, работает и работает. – Горечь в его голосе стала обжигать и меня. – И так не только у моей мамы, понимаешь? Это почти у всех, кто занимается бизнесом. У всех них есть какая-то планка, к которой они стремятся, считая ее целью жизни. Они счастливы только тогда, когда достигают ее. Достигают, а потом тут же повышают, чтобы в жизни появилась новая цель. И планка постоянно поднимается все выше и выше. Понимаешь, Катя? – он глянул на меня так, что я едва не заревела. – А символ счастья у Кира... Кирилла – управление